

Рецензии, обзоры, информация

Книга о поэзии и прозе символизма и эмиграции

[Людмила Спроге. Русская поэзия и проза XX века: эпоха символизма и эмиграции. Монография. Рига: Академическое издательство Латвийского университета, 2009. 173 с.]

Монография известной латвийской исследовательницы русской литературы XX в. Людмилы Спроге охватывает два периода развития русской литературы – разных, но связанных друг с другом отношениями преемственности. Три части книги состоят из отдельных экскурсов, детально рассматривающих модернистские стратегии интеграции текста, специфические сюжеты и топосы, а также трансформации античных и «персональных» мифов.

В первой части «Идея интеграции текста и лирический цикл символистов» рассматриваются книги стихов и циклы В. Я. Брюсова, Федора Сологуба, Ю. Балтрушайтиса, А. А. Блока, Вяч. Иванова и ряд особых способов формирования сверхтекстовых единств. Среди них выделяется исключительная в своем роде книга-центон *Восемьдесят семь современных стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус* (1917) – уникальный, по-видимому, «гиппиусовский цикл», созданный из стихотворений 26 авторов. Анализ четырех редакций первого сборника Брюсова *Chefs d'oeuvre* показал эволюцию от жанрово-тематического принципа композиции к сюжетному. Книга-цикл Сологуба *Змий* трактуется как один из эпизодов программного сюжета, разворачивающегося в серии других стихотворных циклов и прозаических произведений. Панхронный сюжет цикла включает мифологические мотивы, ориентированные на сюжет змеборства / драконоборства и ветхозаветные мифы о Медном Змие и Змее искусителе.

Особые разновидности сверхтекстового единства и интеграционных стратегий представляет диалогия *Земных ступеней* и *Вечерней тропы* Балтрушайтиса. В двух книгах обнаруживаются два циклообразующих принципа – движения темы и циклической завершенности. При законченности каждой из книг стихов первая перекликается со второй одинаковыми или функционально синонимичными заголовками, сквозными образами, повторяющимися символами. В разборе цикла Вяч. Иванова «Царство прозрачности» затрагивается проблематика эзотерики символистского текста, в котором символика драгоценного камня, наряду с символикой чисел, растений, зодиакальных знаков, «колоративной атрибутики», выступает особым кодом системы «корреспонденций и аналогий».

В ряде главок монографии рассматриваются конкретные случаи формирования и исчезновения блоковских циклов, сопровождавшиеся преобразованиями межтекстовых связей. Во второй книге «лирической трилогии» Блока идея *Города* и его многоликий образ определили «сюжет» тома и стали основой циклизации разрозненных сюжетных фрагментов. В сопоставлениях редакций поэтических книг Блока обнаруживаются интеграционные связи «трилогии», реализованные либо намеченные, но в дальнейшем, в процессе становления «романа в стихах» нового типа, отброшенные. Примером аннулированных связей служит рассыпанный цикл «Тишина цветет», свер-

нутый в итоге до одного стихотворения. Сходным образом в структуре второго тома «трилогии» растворился сборник *Нечаянная радость*; деструкция такого рода сверхтекстовых единиц содержит конструктивный момент, поскольку вместе с нею образуется новая цельность единицы более высокого уровня – раздела, тома, «трилогии» в целом. Особым потенциалом разнообразных трансформаций наделены реминисцентные тексты с присущей им поливалентностью ассоциативного контекста «цитатных» сюжетов и образов, как это показано в исследовании эволюции «персонального» цикла «Мэри». В анализе цикла «О чем поет ветер» удалось выявить черты, позволяющие такому «поэмообразному» циклу стремиться к функциональному замещению трансформированного жанра поэмы. В этом отношении «новое» лирического цикла символистов воспроизводит «старое» романтической поэмы с лирическим сюжетом, служащим «стержнем для нанизывания» обособленных сцен и «отрывков», с недосказанностью и полиметризмом, мотивированным фрагментарным принципом построения.

Во второй части монографии анализируются топос *Лабиринта* и сема *Круга* как «дионисийского пространства» и символа «возврата языческой мечты», мотив *Рыцаря Бедного* в книге стихов Эллиса (Л. Л. Кобылинского) *Арго*, «игорный» сюжет в *Мелком бесе* Сологуба, символистские контексты раннего Есенина, вербализация портрета в различных жанрах у символистов и акмеистов, эпиграмма Маяковского «В. Я. Брюсову на память», рефлекс мифа Дон Жуана в культуре русского модернизма. Столь разнородный, казалось бы, материал объединяет общая направленность исследования, означенная в названии этой части: «От мотива к текстообразованию». Анализ мотивов лирических посланий Бальмонта, Брюсова, Иванова, адресованных Балтрушайтису, в частности, показал, каким образом создавался аллюзивный фон, на который ориентировался «диалогический» текст посланий

и формировался интертекстуальный нарратив, мифологизирующий облик поэта и его творчества. Сочетание в стихотворении Эллиса «Маскарад» отсылок к дантовской «инфернальности» и лермонтовскому фатальному финалу с бодлеровским кодом и густым цитатным рядом, в котором различимы Эдгар По, Андрей Белый, Дон Жуаны и Инезильи русской литературы, рассматривается как следствие «продуманной эстетической программы». Демонологическая традиция зооморфного персонажа в творчестве Федора Сологуба и в *Мастере и Маргарите* прослеживается в контексте любопытных параллелей между *Мелким бесом* и романом Булгакова в событийных и ономастических параллелизмах, сходстве сочетаний определенных локусов с психологическим состоянием героев, общности функций игры в карты и шахматы.

В третью часть монографии «Эмигрантский период культуры и русская литература Латвии (1918–1940)» вошли экскурсы «Символика игры в русской литературе XX века» и «Пушкинский миф Ивана Лукаша», анализ пушкинской темы «в парадигме цитатных знаков» и косвенных отсылок к жанру послания пушкинской эпохи у пражских поэтов Вяч. Лебедева и Аллы Головиной, а также содержащие публикации архивных материалов исследования «Виктор Третьяков и Вячеслав Иванов» и «1921-й год: После смерти А. Блока (из архива жены поэта)».

В «стратегии припоминания» Лукаша пушкинский миф, восходящий к символистскому «пушкинианству» и традиции постсимволистской культуры, сочетается с моделированием блоковского дискурса; вместе с тем писатель по-своему актуализирует символистскую парадигму многослойный соответствий петербургских мотивов. Описанным аспектом проза Лукаша рижского периода оказывается типологически близкой творчеству Вяч. Иванова, Эллиса, Сологуба, других символистов, о произведениях которых идет речь в других главах книги.

Сходным образом изложение проблематики, связанной с тематизацией карточной игры и символикой «карточного кода», затронутая в одной из глав монографии применительно к произведениям Федора Сологуба, продолжено в отдельном исследовании с привлечением дореволюционных и эмигрантских стихотворных, прозаических, драматических, автодокументальных текстов Адамовича, Брюсова, Гумилева, Лукаша, Одоевцевой и многих других. На страницах монографии раскрываются различные аспекты актуализации культурной памяти посредством цитатных образных рядов, функционирования имен-символов Пушкина и Фра Анджелико, Дон Жуана и Мэри, «персонального» мифа в контексте индивидуального творчества и моделирования своего поведения, в творчестве названных выше и многих неназванных авторов. Среди них, например, А. А. Ахматова, Г. В. Иванов, А. А. Кондратьев, Д. С. Мережковский, Н. А. Оцуп и другие. К сожалению, монография не снабжена именным указателем; именованное включил бы в себя, помимо упомянутых, имена таких писателей и поэтов как Н. Н. Берберова, Ю. Н. Верховский, С. М. Городецкий, В. В. Набоков, А. М. Ремизов, – список может быть продолжен.

Некоторые главы монографии оказались рецензенту знакомыми по предыдущим публикациям их вариантов в виде статей в различных сборниках научных трудов и продолжающихся академических изданий, выходивших в Латвии и других странах на протяжении, по меньшей мере, полутора десятилетий: передоновский кот и Бегемот из свиты Воланда сопоставлялись в статье, включенной в *Булгаковский сборник. I* (Таллинн, 1993); заметки о символистском

тексте и сбрасывании Маяковским с «Парохода Современности» не столько Пушкина, сколько Брюсова, печатались в выпусках *Philologia. Рижский филологический сборник* (Рига, 1994, 1997); часть наблюдений над символикой игры в русской литературе XX в. опубликована под названием «Рассказ Г. Адамовича “Рамон Ортис”»: дискурс игры» в сборнике *Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация* (Тарту, 1997); анализ стихотворения Элліса «Маскарад» был представлен в одном из томов Ученых записок тогдашнего Таллиннского педагогического университета (1998); пушкинская тема в стихах и рассказе В. М. Лебедева «Санкт-Петербургское происшествие» освещались в статье, напечатанной в составе *Пушкинского сборника* (Вильнюс, 1999), и т.д.

Переработанные в монографию, частные исследования демонстрируют широкий спектр разнообразных стратегий текстовой интеграции, трансформаций мифологических мотивов и формирования «персональных» мифов, механизмов литературной преемственности и актуализации культурной памяти. Очевидно, содержащиеся в книге Людмилы Спроге наблюдения и выводы могут уточнять представления о модернистском тексте и символистском цикле, творчестве конкретных авторов, истории и структуре тех или иных произведений, генезисе некоторых образов, сюжетных и лирических мотивов. Наконец, полезность монографии видится в том, что используемый в ней исследовательский инструментарий, как представляется, может плодотворно применяться и к другому сходному материалу русской литературы начала XX в. и ее продолжения в изгнании.

Павел Лавринцев